

— Это я.

Чжун Цин потирал ушибленное колено, то и дело прерывисто вздыхая от боли. Он боялся, что Чжуан Янь в порыве беспокойства забудет обо всём и сорвётся с постели, чтобы осмотреть его, поэтому поспешно затараторил:

— Всё в порядке, правда. Просто споткнулся. Крови нет, перевязка не нужна, и аптечку не ищи.

Он перечислил всё то, что Чжуан Янь обычно делал в таких случаях. Стоило Чжун Цину хоть немного пораниться, как тот принимался с дотошностью хирурга осматривать повреждение — даже крохотную царапину заклеивал пластырем.

Чжуан Янь промолчал. Он медленно вернулся в прежнее положение.

Он молча наблюдал за тем, как Чжун Цин на ощупь, едва ли не на четвереньках, пробирается к нему. Это напоминало охотника, следящего за тем, как ничего не подозревающая добыча сама идёт в силки.

Когда «добыча» неуклюже уткнулась ему в грудь, он просто разомкнул руки и заключил её в объятия.

У Чжуан Яня была небольшая близорукость, и для работы с документами ему требовались очки, но в темноте он видел куда лучше друга. В этом сумраке он мог безошибочно отыскать его глаза.

Глаза, в которых сейчас застыло беспомощное непонимание.

— Почему свет не зажжёт?

— Побоялся, что тебе глаза резанёт. У тебя и так зрение ни к чёрту... Эй, ты чего щиплешься?

Чжуан Янь отпустил его щёку.

Ощущение мягкой, гладкой кожи на кончиках пальцев всё ещё не растаяло.

«Настоящий дурачок. Ничего не видит, а ещё смеет рассуждать о чужом зрении. Интересно, если запереть его в этой вечной тьме, заметит ли он цепи, сковавшие его по рукам и ногам?»

— Ты же вроде был занят своей девушкой. Зачем пришёл ко мне?

Чжун Цин уловил в его голосе ледяные нотки и, потирая лицо, недовольно хмыкнул.

— Тебе ещё хватает наглости злиться? Думаешь, я сам не хотел прийти? Ты же заставил специального помощника Чэня наврать мне, будто ты в командировке! Если бы бабушка Янь не позвонила, я бы до сих пор не знал, что ты в аварию попал!

Чжун Цин едва не задохнулся от возмущения. Видит бог, как сильно он разволновался, когда узнал новости.

По сюжету Чжуан Янь ждало великое испытание — катастрофа, которая должна была низвергнуть его жизнь на самое дно. Подорванное здоровье, крах в делах, гибель единственного друга, пожертвовавшего собой ради его спасения. Именно после этой трагедии юноша должен был окончательно утратить остатки былой мягкости, день и ночь оттачивая клыки и когти, чтобы в итоге вцепиться в глотки своих врагов.

Но описание в сценарии было слишком расплывчатым. Чжун Цин не знал, что именно это за беда и когда она случится.

Ему оставалось лишь неотступно следовать за Чжуан Янем, готовым в любой момент броситься в бой вместо него.

— Ну, выкладывай, Чжуан Янь. Скрыл от меня такое... О чём ты вообще думал?

— Боялся помешать твоим любовным утехам, вот и не сказал, — с едким сарказмом отозвался Чжуан Янь. — Ты должен быть мне благодарен.

В этом мире Чжун Цина обманули впервые, и он никак не мог взять в толк, как Чжуан Янь умудряется лгать в лицо и при этом выглядеть таким правым.

— Ну, тогда и впрямь спасибо. Целую неделю без тебя в роли «третьего лишнего» — мы с Юэ-Юэ провели это время просто душа в душу.

Чжуан Янь беззвучно и холодно усмехнулся.

«Юэ-Юэ? Как ласково. Совсем не так, как он зовёт меня — вечно по фамилии, Чжуан Янь да Чжуан Янь».

В порыве ярости в голове Чжуан Яня вспыхнули тёмные мысли. Он подсознательно потянулся за ними, погружаясь в пучину собственного гнева, и лишь на мгновение придя в себя, осознал, до чего его довела ревность.

Он думал о незымимости на своё имя. Думал о дяде Чжуне, который занял место главы семьи после смерти отца Чжун Цина. Думал о нынешней хозяйке дома Чжуан — старой госпоже Янь, которую Чжун Цин называл «бабушкой».

Он хотел прогнать эти наваждения, но Чжун Цин продолжал болтать без умолку.

— Всю неделю мы с Юэ-Юэ были неразлучны, просто сказка. Мы даже в отеле вместе ночевали, в том, что с горячими источниками.

— ...Вы снимали номер?

— А что? Завидуешь?

Чжун Цин так и лущился самодовольством, хотя в глубине души его грызла совесть.

Только он сам знал, что всё это «свидание» в отеле свелось к ночному марафону в видеоигре. Ведь главной причиной, по которой Чжун Цин предложил Бай Юэ притвориться парой, было желание улизнуть из-под надзора Чжуан Яня и спокойно поиграть.

Для любого другого такой повод показался бы абсурдным, но когда речь шла о его «строгом папаше» Чжуан Яне... В общем, Юэ-Юэ поверила сразу.

Они всю ночь рубились в приставку, и Чжун Цину пару раз пришлось показывать ей, как управляться с контроллером. Этого мимолётного физического контакта хватило, чтобы он проспал остаток ночи без боли, а наутро проснулся таким счастливым, что готов был нести свет и благодать всему миру.

Чжуан Янь зашёлся в беззвучном, пугающем смехе.

Он действительно завидовал. До безумия.

Благодаря откровениям Чжун Цина, те жуткие мысли в его голове не только не рассеялись, но и обрели пугающую ясность.

У него было много домов. Уединённые виллы в пригороде, тихие пентхаусы с идеальной звукоизоляцией... Там было так легко спрятать человека.

Дядя Чжун — трусливый и жадный до наживы тип. Припугнуть его или подкупить было бы проще простого. Одно слово — и он вычеркнет Чжун Цина из семейных списков.

Старая госпожа Янь, его родная бабушка, всё ещё держала в руках половину корпорации. Но

она стара, и через год-два передаст остатки власти ему. Она любит Чжун Цина больше любого другого внука и никогда не позволит так с ним обойтись, но... это лишь небольшое затруднение.

Пока Чжун Цин расписывал прелести отдыха с «девушкой», Чжуан Янь молча выдвинул ящик тумбочки.

Пользуясь тем, что друг ничего не видит, он вытянул шёлковый галстук и принялся задумчиво перебирать его в руках.

Ему отчаянно хотелось пустить его в дело прямо сейчас: захлестнуть Чжун Цину рот, чтобы тот замолчал, или связать ему руки, чтобы он больше никогда не смог сбежать.

Чжун Цин, не дождавшись реакции на свой монолог, почувствовал, что разговор зашёл в тупик. Вспомнив, зачем вообще пришёл, он резко сменил тему:

— Чжуан Янь, скажи мне честно: тебя ведь кто-то пытается подставить?

Рука Чжуан Яня замерла.

Чжун Цин придвинулся совсем близко и зашептал ему на ухо, словно делись великой тайной. Его тёплое дыхание коснулось щеки, принося с собой забытое за неделю чувство близости.

Чжуан Янь как ни в чём не бывало спросил:

— С чего ты взял?

— Ты в последнее время сам не свой. Как ты мог умудриться попасть в аварию и заработать перелом? Ты же никогда не ошибаешься. Тебе кто-то строит козни? Твой отец оправился после инсульта или брат вышел из тюрьмы?

Возможно, темнота обостряла чувства, но Чжун Цин не осознавал, что в его словах сквозила абсолютная вера и почти слепое обожание. Любой, кто увидел бы сейчас его взгляд, потерял бы голову.

Чжуан Янь сжал галстук в кулаке.

— Это тебя не касается. Почему ты спрашиваешь?

— Ты мой лучший друг, как это может меня не касаться?

— Хочешь помочь?

— Конечно.

— И как же ты мне поможешь?

— Дай подумать.

Чжун Цин затек в одной позе и попытался выпрямиться, но рука Чжуан Яня внезапно напряглась, не давая ему отстраниться.

Чжун Цин даже не пытался сопротивляться. Каждый раз, когда он сидел или стоял как попало, Чжуан Янь вот так бесцеремонно поправлял его. Этот человек выглядел утончённым интеллигентом, но обладал недюжинной силой. Чжун Цин давно понял, что бороться бесполезно, и привык.

«Раз не даёт встать, буду лежать».

Он просто сбросил тапочки и юркнул под одеяло к Чжуан Яню, бесцеремонно пихнув хозяина ногой, чтобы отвоевать побольше места.

В темноте он погрузился в раздумья.

— Мой дядя спит и видит, как бы прибрать к рукам мои акции, — наконец выдал он. — Я могу продать их ему, а деньги отдать тебе.

— Или просто перепишу их на тебя. Тогда ты сможешь помыкать любым в семье Чжун, — добавил он, и в его голосе послышалась улыбка — идея явно пришлась ему по душе.

Продолжая размышлять, он добавил:

— А ещё недвижимость, фонды и акции, что остались от родителей... Всё это тоже можно продать и отдать тебе.

Они полулежали в постели плечом к плечу. Шторы были задёрнуты среди бела дня, словно они объявили войну всему миру, желая лишь одного — прижиматься друг к другу в этой рукотворной ночи.

На мгновение Чжуан Янь замер.

В последний раз они вот так лежали в одной кровати, кажется, ещё в средней школе.

Его голос утратил прежнюю жёсткость, а галстук в руках медленно опустился на одеяло.

— Столько всего... и ты всё отдашь мне?

Чжун Цин небрежно махнул рукой:

— Всё до последнего.

— Правда? Люди из семьи Чжуан — те ещё хищники. Они не уйдут, пока не заберут всё. Если я проиграю, ты останешься ни с чем.

— Ни с чем так ни с чем, — легко бросил Чжун Цин.

— Чжун Цин... ты хоть понимаешь, что говоришь?

Голос Чжуан Яня дрогнул, в нём послышалось сдавленное усилие, словно он пытался сдержать рвущиеся наружу чувства. Дыхание его стало прерывистым.

Чжун Цин насторожился:

— Ты что, и впрямь так сильно влип?

Былая беспечность испарилась, и он поспешил заручиться поддержкой:

— Но даже если мы оба пойдём по миру, ты ведь всё равно будешь вкалывать, чтобы прокормить меня, верно?

Чжуан Янь тихо рассмеялся, чувствуя, как сердце его окончательно тает.

— Конечно, буду.

Но тут же какая-то мысль заставила улыбку угаснуть. Он стиснул зубы, заставляя себя произнести окончание фразы максимально спокойно:

— Но твою девушку я содержать не стану.

— ...

Чжун Цин лишился дара речи.

— Я так и знал! Ещё тогда, на ипподроме, ты ушёл, даже не попрощавшись. Не думал, что ты до сих пор из-за этого дуешься. Чжуан Янь, ну ты даёшь! Мы уже в университете, а ты всё лезешь в мою личную жизнь?

Раньше Чжуан Янь тоже пытался его контролировать, но тогда Чжун Цин не только страдал от боли, но и был завален учёбой под строгим надзором друга. Даже если бы Чжуан Янь не вмешивался, ему было бы не до романов.

В те времена Чжун Цин, получая любовные письма, просто отдавал их Чжуан Яню. Видя, что тот действительно не проявляет интереса, Чжуан Янь со временем перестал спрашивать.

Чжун Цин ткнул локтем соседа:

— Ты серьёзно? Реально не поможешь мне с девушкой?

Чжуан Янь молчал. В темноте, пока Чжун Цин ничего не видел, он сменил галстук на другой предмет.

Чжун Цин снова толкнул его:

— А если я женюсь? Если девушка станет женой, ты тоже не поможешь?

Чжуан Янь по-прежнему хранил молчание.

Ему не понравился и этот галстук. Он снова полез в ящик, который уже наполовину опустел, и наткнулся на какую-то коробочку. Он замер на секунду, мгновенно вспомнив, что это. Он планировал использовать это вместе с Чжун Цином... но только после того, как признается ему.

Чжун Цин, не дождавшись ответа, вошёл в раж:

— А если у меня ребёнок родится? И мы всей семьёй пойдём милостыню просить, ты что, и тогда нам не поможешь?!

Хрусть — в темноте раздался звук сминаемого пластика.

Дыхание Чжуан Яня стало тяжёлым и хриплым. Ярость, вспыхнувшая в груди, обожгла разум, лишая остатков самообладания, и горячей волной ударила в кровь, устремляясь к самому естеству, которое уже едва удавалось контролировать.

Упаковка незаметно разорвалась, и влажная, скользкая жидкость вытекла, пачкая пальцы

Чжуан Яня.

подавляя неистовое желание, он глухо выдохнул:

— Заткнись, Чжун Цин.

— ...Чего ты развоевался?

Чжун Цин обиженно засопел. «Тоже мне, "отец — опора семьи". Стоило беде прийти, как эта опора отрастила крылья и улетела».

— Не поможешь — и не надо! Сам буду на рынке торговать, чтобы их прокормить!

В сердцах он решил: «Раз отец не милостив, не жди от сына почтения». Он натянул одеяло на голову, решив не разговаривать с Чжуан Янем как минимум три дня.

Прошло немало времени, прежде чем кто-то обнял его поверх одеяла.

Чжун Цин попытался вырваться, но безуспешно. «Ну конечно, старая добрая непреклонная сила моего "папаши"».

— Я буду тебя содержать, — прошептал Чжуан Янь ему в макушку.

В комнате вовсю работал кондиционер, и его голос, приглушённый слоем пушистого одеяла, звучал немного странно.

— Всю жизнь буду тебя содержать.

Рука скользнула под одеяло, собственнически обхватила Чжун Цина за талию и притянула к себе. Это было похоже на их обычные объятия после ссоры, но в то же время в них сквозило нечто иное. Нечто тёмное и пугающее.

<http://bllate.org/book/16114/1588384>